

Е. А. Дацкевич¹ об А. А. Мухине

*Краткая запись и подготовка текста О. Е. Рубинчик.
В разговоре участвовали: сын Е. А. Дацкевич Павел Дмитриевич
Иголкин, дочь Е. К. Грегер Нина Мстиславовна Жutowская.²*

Я все десять лет училась в 204-й школе Василеостровского района, а потом, когда мы уже закончили, ее переименовали во 2-ю. Это была великолепная школа, почти все учителя были хорошие. Единая школа: девочки и мальчики учились вместе. Трудовая: нашим шефом был завод «Вперед»; мы там убрали мусор во дворе, в цеха не ходили. Школа была в здании филфака, но не при филфаке.

Аркадий Андреевич с пятого класса вел у нас литературу и русский язык,³ а в девятом и десятом классе был еще и нашим классным руководителем.

Жили Мухины на углу Среднего проспекта и 6-й линии Васильевского острова, в маленьком собственном домике. Он был одноэтажный и, кажется, деревянный. Стоял на перекрестке, наискосок от того места, где теперь находится метро «Василеостровская».⁴ Когда мы гуляли после школы, периодически проходили мимо и знали, что это его дом. Я у Мухина не была, его жену не видела.

Арказон много про свое прошлое рассказывал: что когда еще учился в гимназии, летом с друзьями ездил на заработки по России и за границу. Как-то поехал в Германию: взял билет – и у него остался на жизнь двугривенный. Кажется, и в Италию ездил. Работали гимназисты, например, у кого-нибудь в саду, жили у хозяев, их там кормили, а они благодаря общению учили языки. Он хорошо знал немецкий, французский. Английский тоже, кажется.

Он был очень добрый, очень умный, к нему можно было подойти с любым вопросом – он на любой вопрос мог ответить. Я как-то подошла к нему: «Аркадий Андреевич, “Весь мир – бардак” – что это значит?» (Я эту фразу в компании двоюродной сестры услышала.) Он объяснил и сказал: «Лучше больше никогда не употребляй этого слова».

Кроме уроков, Аркадий Андреевич проводил консультации на разные темы: можно было после уроков остаться. Других кружков в школе не было. Арканзон говорил: «Хотите, будем сегодня разбирать “Анну Каренину”?» Мы почти всегда хотели. Он читал оттуда французские куски и переводил, мы обсуждали роман. Или: «Хотите, будем разбирать “Илиаду” и “Одиссею”?» Почти все оставались. Он читал по-древнегречески, переводил и разбирал.

В одежде Мухин не выделялся среди других учителей, одевался опрятно, но не роскошно. «Барских атрибутов» типа пенсне или трости не носил. На мизинце левой руки у него всегда был длинный острый ноготь. Если кто-то во время урока списывал (особенно во время диктанта), Мухин подходил, стучал ногтем по парте и говорил: «Смотри в свою тетрадь и удивляйся тем глупостям, которые ты там пишешь». Он всегда напирал на то, чтобы мы хорошо знали русский язык и литературу.

Чем он отличался от остальных преподавателей? Во-первых, он был намного старше (был лишь еще один учитель его возраста – физик). Кроме того, он близко к нам был, всегда помогал, объяснял. Держался приветливо, но не панибратски. Был очень порядочным человеком, что в наше время встречается довольно редко.

Из класса больше всех с ним дружил Валька Сорокин (Валентин Алексеевич). Арканзону нравились стихи нашего поэта – Шуры Катильского. Одно я помню:

Исаакиевский собор

Огромный, мрачный и немой,
Стоит утесом одиноким
Прекрасный храм во тьме ночной,
Объят навеки сном глубоким.

Года проходят караваном.
Его творцы в могиле спят.
Пред петербургским великаном
Растет огромный Ленинград.

И на него взирает строго
В былые дни взведенный храм
Во имя свергнутого Бога,
В угоду умершим царям.

У Катульского была еще поэма «Хибины». Шурины стихи где-то публиковались: то ли в «Ленинских искрах», то ли в «Пионерской правде». Он на фронте погиб.

Класс был дружный, почти все потом общались. Сейчас уже все умерли – не знаю только про тех, кто уехал.

¹ Дацкевич Евгения Александровна (1920, Петроград – 2017, Санкт-Петербург) – экономист. В 1938 г. поступила в Инженерно-экономический институт. В блокадном Ленинграде работала на рытье окопов под Кингисеппом, на лесозаводе «Пионер». В апреле 1942 г. была эвакуирована с другими студентами на Северный Кавказ. В Пятигорске оказалась в оккупации, попала в тюрьму по обвинению в помощи партизанам и подпольщикам; вскоре была освобождена советскими войсками. В 1944 г. как «не расстрелянная» была обвинена по 58-й статье и осуждена на 10 лет. Сидела в Воркутлаге (угольные шахты), в Казахлаге (также работала на шахте, потом учётчицей). Освобождена по амнистии в 1956 г. Для снятия судимости была отправлена на целину, пробыла в совхозе «Целинный» до 1959 г. В 1957 г. вышла замуж за Д. Е. Иголкина, также отбывавшего ссылку после лагеря. По приезде в Ленинград восстановилась в институте, окончила его в 1960 г. До 1975 г. работала экономистом в Центральном котлотурбинном институте им. И. И. Ползунова. В 1978 г. Е. А. Дацкевич была реабилитирована за отсутствием состава преступления.

² Запись от 30 ноября 2015 г. с последующими уточнениями и добавлениями. За предоставление фотографии А. А. Мухина с классом сердечная благодарность вдове Ю. А. Петровского Софье Михайловне Петровской. За помощь в подготовке материала благодарю Е. А. Дацкевич, А. Ю. Арьева, Н. М. Жутовскую и П. Д. Иголкина.

³ Вначале Евгения Александровна сообщила, что Мухин преподавал у них только в старших классах.

⁴ Этот адрес Мухиных вызывает сомнения, поскольку в справочнике «Весь Ленинград» не числится. Правда, про их местожительство в 1936–1940 гг. точных сведений нет (по 1935 г. это 12-я линия Васильевского острова, д. 5, а в 1941 г. – 12-я линия, д. 13).